

ЦЕННОСТИ ПУБЛИЧНОЙ СФЕРЫ: МАСОНЫ И РЕВОЛЮЦИЯ

Опровергается гипотеза, связывающая возникновение лозунга Французской революции «Свобода, Равенство, Братство» с идеями мартинистов. Анализируется использование лозунга революционерами. Делается вывод о том, что свобода, равенство и братство в их новоевропейском понимании неразрывны.

Ключевые слова:

братство, индивидуализм, публичная сфера, равенство, свобода, ценности.

Встречается утверждение, что лозунг «Свобода, Равенство, Братство» имеет масонские корни (впрочем, возможно, Локк и Руссо также были масонами) – см. напр., [1, с. 6]. Н.Х. Вебстер полагает, что это словосочетание родилось в тайном обществе, основанном во Франции выходцем из Португалии (Испании?) Мартинесом Паскалли (Pasqually), более известном как Папиус. По утверждению английской исследовательницы, формула «Свобода, Равенство, Братство» упомянута как «святая троица» в книге ученика Паскалли Луи Клода Сен-Мартена «Об ошибках и истине», изданной в 1775 г. [1, с. 6].

Книга, вышедшая во Франции под псевдонимом Неизвестный Философ, произвела на современников большое впечатление: уже в 1785 г. был издан ее русский перевод, осуществленный П.И. Страховым [7], а еще через пять лет – вслед за восторженным приятием русских масонов и официальным запретом и изъятием – появилась и критическое русскоязычное исследование [3]. (Ирония, с которой авторы последнего описывают столичную моду на мартинизм и основные идеи Сен-Мартена, не уступает иронии, с которой Н.И. Новиков обличал нравы и идеи «не-братьев».) Нас, однако, интересует не полный комплекс изысканий Неизвестного Философа, включающий откровенное знание о математике, физике, фармации, филологии, музыке и т.д., но лишь его представления по предмету нашего исследования.

Сен-Мартен любил триады, их у него множество – начиная с того, что он отверг всеобщее заблуждение о существовании четырех стихий (полемика с Я. Беме), оставив только три. Однако нужно было обладать замечательным умением читать между строк, чтобы найти у Сен-Мартена «Свободу, Равенство, Братство», да еще и возведенные в ранг Святой Троицы. У вольного философа не только не обнаруживаются подобных выражений, но и сам

дух его учения полностью отвергает эти принципы.

Свобода действительно интересует Сен-Мартена, и в самом начале своего труда он уже дает ей определение: «Истинное свойство существа свободного есть власть пребывать самоизвольно в законе, ему предписанном, и сохранять силу свою и независимость, сопротивляясь по доброй воле тем препятствиям, которые стремятся отводить его от точного исполнения сего Закона» [7, с. 21]. Речь идет о Едином Законе, выражающем Всеобщее Начало. Свобода автономна. Там, где поступки определяются внешними обстоятельствами, свободы нет. Т.е., свободно отказываясь от следования Закону, не сопротивляясь внешним соблазнам, мы теряем свободу. Так, собственно, и произошло в том акте, который со времен Блаженного Августина принято называть первородным грехом. С того момента человек оказался ввергнут в Злое Начало. Пребывание в телесном мире – наказание. И тут никакой свободы уже быть не может, ибо какая же свобода у заключенного! А раз нет свободы, то, по Сен-Мартену, рушатся все построения сторонников теории общественного договора. (В работе Сен-Мартена не упоминается ни одного имени, но, кажется, что основная критика направлена против Руссо.)

С равенством происходит история аналогичная. В первобытном состоянии люди не имели власти друг над другом, но владели существами низшего порядка. Отпадение от Начала лишило их власти, которая может принадлежать свободным существам. Но зато дало возможность установить власть подобную тюремной. «Но в состоянии очищения, которому человек ныне подвержен, не только имеет он удобность возвратить древнюю свою власть, которую и пользовались бы все человеки, не имея однако в подданстве своем существ своего рода; но может еще приобрести иное право, о котором не имел он познания в пер-

вобытном состоянии, то есть право властвовать над прочими людьми...» [7, с. 277]. Люди более разумные, более близкие к Началу, должны стать надсмотрщиками над теми, кто полностью находится в плену телесности. Царь «должен употреблять над ними все права рабства и подданничества; права, столь же праведные и существенные в сем случае, сколько непонятные и ничтожные во всяком ином обстоятельстве» [7, с. 278]. И, разумеется, в этом состоянии ни подданные не имеют права на сопротивление угнетению, сколь бы жестоким и неправедным бы оно ни было, ни правители не имеют права перейти границы, определенные им Началом. Для нашей темы совершенно неважно то, что под истинными правителями Сен-Мартен понимал, кажется, совсем не действующих монархов, а масонских мастеров. Это не меняет существа дела, которое может быть выражена формулой «несвобода и неравенство».

Что же касается братства, то в заключение своего труда Сен-Мартен глубокомысленно замечает, что «все люди суть С-Н-R» [7, с. 534]. Однако обнаружение единства во Христе, которого он с самого начала именвал Великой Разумной Причиной, ничего не прибавляет к уже приведенным рассуждениям. Здесь скорее можно увидеть связи с гностическими мотивами единства в первочеловеке, чем обоснование идеи братства.

Влияние масонства на Французскую революцию не поддежит сомнению, однако совершенно очевидно и то, что учение Сен-Мартена не имеет к рождению лозунга «Свобода, Равенство, Братство» никакого отношения. Любопытно, что ученики Паскалли не приняли Революцию. Сам Сен-Мартен провел время «торжества Свободы, Равенства и Братства» в Швейцарии и вернулся на родину лишь незадолго до своей смерти в 1803 г. А вот оценка Революции мартинистом ХХ в. А.Э. Уэйтом: «... Внезапно двери захлопнулись, мясорубка Французской революции положила конец всем мечтам и самой эпохе...» [4, с. 145].

Наконец, еще одно распространенное мнение приписывает первое использование знаменитой триады М. Робеспьеру (см., напр., [14]). В «Речи об организации национальной гвардии» будущий диктатор предлагает Национальному Собранию принять, в частности, следующее положение: на груди национальных гвардейцев должно быть написано «свобода, равенство, братство», те же слова следует начертать и на их знаменах [16].

Любопытно, что уже в конце 1790 г. для Робеспьера свобода оказывается теснейшим образом связана с патриотизмом. Причем связь эта обусловлена не внешне-политическими причинами (нужно защищать свободу от иноземных захватчиков, защита свободы оказывается тождественна защите родины), но самой природой свободы. Причина здесь проста: отчизна ведь есть общество, образованное общественным договором. Защита условий этого договора, т.е. свободы, и есть защита отчизны. Абсолютный монарх для Робеспьера по определению оказывается «иностранцем». А иностранцы – люди, не являющиеся участниками договора – лишены всяческих прав и приравниваются Робеспьером к рабам. Однако простота и, казалось бы, очевидность этой логики вовсе не бросались в глаза теоретикам общественного договора, да и многим деятелям Французской революции. Неслучайно уже в самом начале Революции разгорелись споры о словах «нация» и «народ». Ж.Э. Сийес предложил переименовать собрание представителей третьего сословия Генеральных штатов в «признанных и облеченных доверием французской нации», а граф Мирабо настаивал на варианте «представители французского народа». «Декларация прав человека и гражданина» объявила источником суверенной власти нацию, первая французская Конституция (1791 г.) – народ, а вторая (1793 г., якобинская) – вновь нацию. Национальный характер свободы станет идеологией революционных и постреволюционных войн Франции и будет иметь для Европы значение не меньшее, чем сам факт Французской революции.

И Гоббс, и Локк, говоря о свободе и ее реализации в условиях политического общества, разумеется, не забывали о важнейшем признаке этого общества – возможности легально применять насилие. Например, последний так определял политическую власть: «право создавать законы, предусматривающие смертную казнь и соответственно все менее строгие меры наказания для регулирования и сохранения собственности, и применять силу сообщества для исполнения этих законов и для защиты государства от нападения извне – и все это только ради общественного блага» [5, с. 262]. И все же, если мы по ленинской методологии при описании империализма, спросим: какой же признак политического общества важнейший? – английские мыслители в один голос ответят: гарантированность собственности. Робеспьер

же категорически заявляет: «Самый неизбежный из всех законов, единственный, который всегда будет гарантированно соблюден, – закон силы». Свобода – это сила. «Так как свободный человек это не тот, кто не угнетается в данный момент; это тот, кто гарантирован от давления постоянной и достаточной силой» [16].

А поскольку все люди рождаются и живут свободными, то их силы должны быть постоянно равны. Равенство в правах зиждется на равном праве применить оружие и равной обеспеченности этим оружием. То, что Локк называл справедливым для естественного состояния, однако порождающим некоторые неудобства, кажется, объявляется Робеспьером (со ссылкой на Руссо) идеалом политического общества. «Быть вооруженным для своей собственной защиты есть право каждого человека; быть вооруженным для защиты свободы и существования общего отечества есть право каждого гражданина» [16]. Однако на деле естественный анархизм Робеспьером вовсе не приветствуется. Нация – вот тот субъект, который должен наводить строжайшую дисциплину, обладать абсолютной властью, не давать ни одному человеку ни на мгновение забыть, что он еще и гражданин. И только пока он гражданин, нация гарантирует ему равенство, и другие права, записанные «в нашей торжественной декларации».

Теперь перейдем к «братству». В данном контексте братство, разумеется, является метафорой социальной связи. Говоря о национальных гвардейцах, которыми должны стать все мужчины свободной нации, Робеспьер называет их семьей объединенных братьев. А чувство братства рождается у них из определенных, автором речи предложенных, условий организации жизни. На этом разговор о братстве и заканчивается. Как таковое оно упоминается в речи лишь два раза.

Таким образом, мы видим, что лозунг «Свобода, Равенство, Братство» не предлагается Робеспьером, а лишь констатируется его значимость для нации. Сама же формула уже вполне утверждена в сознании депутатов Национального Собрания. Кстати, общепризнанная сегодня датировка речи Робеспьера декабрем 1790 г. делает очевидной ошибку замечательного французского историка А. Олара, полагавшего, что знаменитый девиз прозвучал впервые лишь в мае 1791 г. на заседании клуба кордельеров, хотя на мнение Олара до сих пор ссылаются некоторые исследователи [8].

М. Боргетто, посвятивший изучению истории формулы труды и годы [10; 11 и др.], полагает, что популярность она приобрела лишь к 1793 г. «Впрочем, эта триада никогда не представляла эксклюзивного и а fortiori официального девиза режима, революционеры всегда отказывались выделять один-единственный девиз, чтобы выразить дух создаваемых ими учреждений» (цит. по [13, р. 269]). Но, если триада официальным девизом и не становилась, то свобода и равенство фиксировались в разных документах даже в первые годы Империи, в т.ч. и прежде всего в Декларации прав человека и гражданина. Иными словами, неофициальным элементом оставалось лишь братство. «Эксклюзивный и официальный» характер «Свобода, Равенство, Братство» приобретает лишь в 1848 г., когда утверждается в Конституции Второй Республики.

Подводя итог, можно констатировать, что каковы бы ни были идейные источники формулы «Свобода, Равенство, Братство» – английская политическая мысль, «модернистские» взгляды католического духовенства, философия просветителей, масонство или спонтанное народное творчество – ценности свободы и равенства были в XVIII в. чрезвычайно распространены. Многообразие подходов к пониманию свободы не только неудивительно, но и просто неизбежно. Замечательно констатировал это Ш.-Л. Монтескье: «Нет слова, которое получило бы столько разнообразных значений и производило бы столь различное впечатление на умы, как слово «свобода». Одни называют свободой легкую возможность низлагать того, кого они наделили тиранической властью; другие – право избирать того, кому они должны повиноваться; третьи – право носить оружие и совершать насилия; четвертые видят ее в привилегии состоять под управлением человека своей национальности или подчиняться своим собственным законам. Некий народ долгое время принимал свободу за обычай носить длинную бороду. Иные соединяют это название с известной формой правления, исключая все прочее» [6, с. 283]. Очевидно, что такое разнообразие не могло не привести к расколу между поборниками свободы, когда речь зашла о ее реализации в жизни.

Однако обратим внимание, что Монтескье в своем перечне, который как будто должен дать представление о различиях в понимании свободы, приводит лишь характеристики свободы политической. Его

мысль не может оторваться от главного направления: для наличия свободы необходима определенная организация общества. Гизо писал об этой эпохе: «Человек занят не личной свободой, но свободой гражданина; он принадлежит ассоциации, он посвящен ассоциации, он готов пожертвовать собой ассоциации» (цит. по [12, с. 26]). Идеи, подобные Фенелоновым, – человек свободен в Боге – выглядят безнадежно устаревшими. Но таким же атавизмом являются еще недавно звучавшие призывы сберечь свободу галликанской Церкви, свободы городов или свободы (привилегии) дворянства. Смысл ассоциации меняется, меняются субъекты свободы, а свобода представляется одной на всех. Два фундаментально различных понимания свободы теперь представляют два ответа на вопрос: что является ценностью гражданского состояния – свобода человека или свобода общества? Их единство в социальной практике не вызывает сомнений, их концептуальную неразрывность описал Гоббс. Но так же теоретически, и тем более практически очевидно, что ценности эти все же различны. Приоритет индивидуальной политической свободы отстаивает Локк, приоритет общественной – Руссо. Не вызывает сомнений, что революционная действительность была ориентирована на идеалы швейцарца. Причем не только якобинский террор, но и его жертвы, и его наследники однозначно предпочитали общественную свободу (см. [8]). В этом смысле Гизо был, несомненно, прав.

Тем не менее, с нашей точки зрения, речь идет о необходимой стадии самоотрицания, которую проходила индивидуальная свобода. То, что это именно так, доказывают фундаментальные тексты эпохи: «Цель всякого политического союза – обеспечение естественных и неотъемлемых прав человека. Таковые – свобода, собственность, безопасность и сопротивление угнетению» [2, с. 26]. И даже Праздники Разума не могли уже заставить забыть о том, что единственный разумный закон свободы не в том, чтобы утвердить всеобщее единство, а в том, что «свобода состоит в возможности делать все, что не наносит вреда другому» [2, с. 26]. Революция началась тогда, когда депутаты Генеральных Штатов отказались голосовать по принципу «одно сословие – один голос», решительно предпочтя свободу индивида свободе корпорации, утверждая равное достоинство всех депутатов, как и тех, кого они представляли.

Итак, нам представляется, что в Новое время речь идет о свободе личности, которая в качестве обязательных условий предполагает комплекс политических и социально-экономических свобод. В содержательном плане эта свобода означает в конце концов возможность выбора самого себя, а в формальном (плане выражения) – возможность делать все, что не нарушает свободы другого человека. Формальная сторона свободы предполагает признание равенства всех людей. Равенство это состоит, таким образом, в одинаковости предоставляемых всем людям возможностей деяния. Одинаковость содержательная при этом выводится из рассмотрения, то есть так называемое материальное или фактическое равенство может получить признание только при его квалификации в качестве внешнего условия реализации свободы, т.е. при формализации. Скажем, для Аристотеля неравенство разумности влечет за собой разную степень свободы. Для Нового времени неравенство разумности должно быть преодолено везде, где возможно: за счет обязательного бесплатного образования, равного доступа к источникам информации и т.д. Это необходимо для того, чтобы изначально относительно менее разумный пользовался такой же свободой, что и изначально относительно более разумный. (Очевидно, что такая система ценностей, во-первых, не обладает объяснительной силой в отношении всей реальности, с которой приходится сталкиваться человеку, во-вторых, эта общая схема порождает множество поистине антагонистических противоречий, в-третьих, она довольно далека от полной реализации. Однако такова природа всех ценностных систем: они всегда сталкиваются с противоречием сущего и должного, между их сторонниками всегда идут споры по разным «мелочам», порой неразличимым для взгляда со стороны, а объяснение вообще не является функцией ценности). Итак, свобода и равенство в указанном понимании совершенно неразрывны (тогда как при другом наполнении понятий они могут оказаться несовместимы).

При этом не стоит удивляться, что утверждение свободы и равенства, пафос индивидуализма как в философских текстах, так и в революционной практике обычно обходились без «братства». А. Жераль подчеркивает, что якобинцы были Обществом друзей свободы и равенства, но не братства, деревья Братства сажались отдельно от деревьев Свободы, и вообще «братство

довольно плохо связывалось с суровым законом Террора» [12, р. 133]. Луи Блан без оснований утверждал, что буржуазной революции куда ближе был слоган «Свобода, Равенство, Собственность» [15, р. 160]. А сторонники христианского происхождения понятия «Братство» говорят чуть ли не о запрете для революционеров подобных слов [15, р. 160]. Мы, тем не менее, утверждаем, что третий член формулы появился там отнюдь неслучайно¹, и со временем его значение только ярче обозначилось. О причинах говорилось неоднократно: реализация свободы и равенства невозможна в одиночку. И дело не в том, что люди нуждаются друг в друге, чтобы выживать. Братство необходимо потому, что свободные и равные друг другу люди от природы как раз совсем не братья. Прекраснодушные построения Локка, став официальной идеологией европей-

цев, могли вытеснить, но не могли уничтожить гоббсовскую (кальвиновскую и т.д.) уверенность, что в естественном состоянии человек человеку – волк². Свободный человек непременно воспользуется своей свободой, чтобы лишить ее другого, своим равенством – чтобы получить привилегии. Для Локка общественный договор – возможность избежать некоторых «неудобств» естественного состояния, для Руссо – возможность не деградировать окончательно в сравнении с естественным состоянием, а для Гоббса – необходимость самосохранения в искусственно созданном единстве. В котором, напомним, «человек человеку – Бог». Это сильно напоминает рассуждения К. Лоренца о том, что мы обречены стать моральными именно потому, что от природы никакой заботы друг о друге в нас нет. Значит, спасти свободу и равенство может только братство.

Список литературы:

1. Вебстер Н.Х. Всемирная революция. Заговор против цивилизации / Пер. с англ. Н.Н. Санченко. – Киев: Серж, 2001. – 290 с.
2. Декларация прав человека и гражданина 1789 года // Французская республика. Конституция и законодательные акты / Пер. с фр. / Сост. В.В. Маклаков, В.А. Энтин / Под ред. и со вступ. ст. В.А. Туманова. – М.: Прогресс, 1989. – 445 с.
3. Исследование книги «О заблуждениях и истине». Сочинено особливим обществом одного губернского города. – Тула: б/и, 1790. – 400 с.
4. Леман Б. Сен-Мартен, Неизвестный философ. Уэйт А.Э. Французский мистик и история современного мартинизма / Пер. с англ. А.Блейз. – М.: Энигма, 2005. – 272 с.
5. Локк Дж. Сочинения в трех томах: Т. 3. – М.: Мысль, 1988. – 668 С.
6. Монтескье Ш.-Л. Избранные произведения. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1955. – 800 с.
7. О заблуждениях и истине, или Воззвание человеческого рода ко всеобщему началу знания / Пер. с французского. – М.: Вольная типография И. Лопухина, 1785 г. – XII с. + 544 с.
8. Пименова Л.А. Идея свободы во Французской революции XVIII в. – Интернет-ресурс. Режим доступа: <http://vivovoco.rsl.ru/VV/PAPERS/ECCE/LIBERTE.HTM> (28.07.2009).
9. Янов А. Русская идея и 2000 год. – New York: Liberty Publishing House, 1988. – 399 с.
10. Borgetto M. La Notion de fraternité en droit public français. – LGDI, 1993.
11. Borgetto M. La Devise «Liberté, Egalité, Fraternité». – PUF, 1997.
12. Gérald A. Liberté, Egalité, Fraternité ou les fluctuations d'une devise. – Paris: UNESCO, 1981. – 186 p.
13. Latour X., Pauvert B. Libertés publiques et droits fondamentaux. – Studyrama, 2007. – 336 p.
14. Liberté, égalité, fraternité. – Интернет-ресурс. Режим доступа: <http://www.oboulo.com/liberte-egalite-fraternite-29917.html> (14.07.2009).
15. Ozouf M. L'Homme régénéré. Essais sur la Révolution française. – Gallimard, 1989. – 240+11 p.
16. Robespierre. Discours sur l'organisation des gardes nationales. – Интернет-ресурс. Режим доступа: http://www.membres.lycos.fr/discours/gardes_nationales.htm (14.07.2009).

¹ Рассмотрение исторических фактов, доказывающих «братские» чувства революционеров, указание на их фактическое и теоретическое обоснование в период Революции – см. у М. Озуф [15, р. 161–182].

² Идею о том, что вера в то, что «человек от природы зол» приводит к созданию общества сотрудничества и взаимопомощи в свободе, а вера в то, что «человек от природы добр» все «человеческое», «гуманное» в реальном социальном строительстве – уничтожает, – на конкретном материале блестяще раскрывает историк А. Янов [9].